

Сергей Белозёров

* * *

Со станции мы шли сосновым бором.
Двоюродные братья, горожане,
при виде шишек, ягод, мухоморов
от радости едва ли не визжали.
Я усмехался этому тайком.

Мне этот бор годами будет сниться,
за окнами являться, что ни вечер,
но позабудут сойки и синицы,
как звать меня,
как окликать при встрече,
а я тогда не думал о таком.

Я просто был большим и добрым богом,
когда мы шли сосновым медным бором,
и братья обмирали, задыхались,
как будто синяков своих касались
позеленевшим медным пятаком.

Склонюсь над длинным рядом тополиным,
ведь окна — вровень с журавлиным клином,
а листовным и птичьим разговорам
обучен я у Веремеек бором...

Сметает дворник листья под окном.

Могилёвщина

То, чем мы дышим, расплавлено уже по колено,
пчела на этот воздух стала, отдышалась, отёрла пот с чела;
с морды пня, пузырясь, течёт розовая пена,
точно он, застоявшись, грызёт и грызёт удила.

Июль. Исступление есть в его неподвижности,
в растресканных серых губах пересохшего родника,
в сойке, разинувшей рот — ей тоже едва дышится,
меня она ненавидит, а крикнуть не может никак.

Так среди тусклой жары разливается тихое бешенство,
будто глухо ворочаются в тучах и под землёй голоса,
оборачиваюсь — берёзы, пыльные, как беженцы,
опустили плечи, опустили руки, опустили глаза.

Тихо, всё тихо, говорю я себе, ну что ты —
это просто жара с духотой оседают на мозг золой,
никому же не скажешь, что мёртвый июль сорок первого года
каждый год в это время смотрит с неба, ворочается под землёй.

Не поверят, что время не прямо, что оно в узлах и прорехах,
что видны тебе красные клочья, летящие с чёрных уст коней,
и невидимый на солнце огонь, его пляска на соломенных стрехах,
и мёртвая на обочине, и белая хустка на ней.

* * *

Весёлые дела!
По рельсам, по стране
качу, как захочу,
в гулёж очередной —
а станция Зима
протягивает мне
замасленный кулёк
с картошкой отварной...

Я выставлю в окно
беспутную башку
на ветер и мороз —
пущай охолонёт...
А станция Зима
по чахлому снежку

бежит и машет мне —
вот-вот в окно впорхнёт...

Там ирис впереди
пестреет, как удов,
соцветиями губ
пылают мне юга...
Да шла бы ты, Зима!
И что ж — она идёт,
как верная жена,
отстав на три шага.

Как сладок мой побег!
Как радуется мир,
объятья распахнув
встречающий меня!

И высадит меня
уже через полдня
на станции Зима
румяный конвоир...

* * *

Белозёров Сергей Алексеевич,
тридцати с незначительным лет,
терпеливо пытался отсеивать
сор от хлеба и счастье от бед.

Сито билось, как сердце, порывисто,
он не первый надеялся год,
что на доньшке по справедливости
золотая крупица блеснет.

Ну, а жизнь — без старанья излишнего —
убеждала его: через сеть
не пройти ее тяжким булыжникам,
да и лебедю не пролететь.

Он не верил, шатаясь от голода,
он стоял на своем, как всегда,
и сжимал в кулаке свое золото,
а когда разожмет — пустота...

Он с долгами никак не расплатится,
он скитается по городам,
только сито дырявое катится
по пятам, по пятам, по пятам...

* * *

Оле

...Бестолковая моя, ласонька!
Дела наши хоть немного, но лучше плохих:
взгляни — забор щербат, как улыбка первоклассника,
ему хорошо — рядом с ним такие же, как мы, лопухи.

Коробка нашего дома пропахла пелёнками и подгузниками,
ящик нашего земного шара пока еще держится в швах,
порой даже можно купить чего-нибудь вкусенького,
если, конечно, сэкономить на моих штанах.

Болтали, что кто-то живёт и лучше, нежели мы,
зато общая лямка счастья прижимает твоё плечо к моему плечу,
и веснушчатое солнце к одной тебе лезет с нежностями,
а я посмотрю на тебя, задохнусь от любви — и молчу.

* * *

Ты меня обвеваешь дыханьем волос, ты меня обвиваешь
как горох или хмель или плющ обвивают опору,
ты меня отнимаешь у всех, кого знать довелось,
ты меня отменяешь: я не жил до сих пор, я живу в эту пору

когда

ты меня обнимаешь...

* * *

Слышишь, не забывай меня,
счастье неназываемое,
рыжая полонянка
рощиц яснополянских!

Крикни мне из столиц твоих:
помнится ли и длится ль
нежность ослепших листьев,
трогавших наши лица?

Перешепчи по почте
почерком удивленным:
что тебе этой ночью
шепчет звезда над кленом?

Снова я с этим, с этим,
с этим, что отболело,
точно полоска под сердцем,
мертвенно побелело.

Светом былых галактик
светит былое чудо...

Запахивая халатик,
резко звякнув посудой,
ты обернись — не зовут ли? —
к окнам своим замерзшим,
словно от боли смутной
ясный свой лоб наморщив.

Где-то в большой державе,
нас разделившей стольким,
звезды мой лоб прижали
к черным морозным стеклам.

Чтоб и теперь делиться
радостью и бедою
белых незрячих листьев,
тающих под ладонью...

Тише, милая, тише:
туфельки спят в прихожей,
спит за стеной сынишка,
не на меня похожий.

Спит и твой муж, уставши,
ты же его разбудишь...

Не забывай меня, даже
если меня забудешь.

* * *

Захолонуло, похолодало,
ветром ударило сквозь пальтецо —
точно сквозняк потянул из подвала,
или товарный мимо вокзала
так прогремел, что немеет лицо!

Ветер и холод, холод и ветер,
полная воля невольным слезам...
Что, дорогой, неуютно на свете?
Всё это жизнь, и она не в ответе,
ты выбирал её, помнится, сам.

* * *

И тьма грозы, и света всхлип, и снова
об ветер в муке бьется мокрый куст,
как Лермонтов, не находящий слова,
косноязычен и молниеуст.

И метрах в трех от тяжких эшелонов
тоскливый взгляд сквозь сердце пролетит —
там беззащитно, как Андрей Платонов,
обломанная яблоня глядит.

И двойствен мир. И это — не подмена.
И в Комарове властвует весна,
а в стороне, прекрасна и надменна,
стоит она — Ахматова, сосна.

Не камень, а живая жизнь святыня.
Душа не расточается во тьму.
Моя страна доньше не пустыня.
И я вам объясняю, почему...

Ночное небо

...Город лежит ничком в ночи,
как аэродром — в огнях,
и старый тополь
винтом стучит
над рыжим виском окна.

В изношенном
кожаном пальто,
в пивной у базара,
ты
пьешь, растягивая каждый глоток,
как раньше — метр высоты.

Пьешь,
проклиная эту корчму,
страшную, как кабала,
и то, что осталось —
уже ни к чему,
как мокрая сдача с рубля.

Осталось выйти в осеннюю муть
и думать, губы кривя,
что можно запросто не дотянуть
на этих птичьих правах,

что можно запросто полететь,
вываливаясь из мглы,
и ощутить на своем лице
черные губы земли.

И, разучиваясь кричать,
сделать последний шаг,
и вся земля,
как кусок калача,
за пазухой будет лежать...

Сергей Белозёров родился 10 июня 1948 года на Дальнем Востоке, где служил в лётном полку его отец. Через некоторое время Белозёровы переехали на родину, в Белоруссию, а затем в Тулу, которая стала настоящей родиной Сергея. Печатался как поэт в основном в местных тульских и иркутских газетах, отдельные публикации — в журналах «Нева», «Огонёк», в сборнике издательства «Молодая гвардия». В 83-м году оказался в ссылке на станции Зима Иркутской губернии. В 1989 году в Туле вышла его первая и последняя книга «Словарь далей». Работал военкором на войне в Приднестровье, где едва не расстался с жизнью, был контужен, получил многочисленные травмы. Умер 12 ноября 2002 года в Туле на 55-м году жизни. Посмертно стихи опубликованы в журналах «Арион» (Москва), «Новый мир» (Москва), «Сибирские огни» (Новосибирск), «День и ночь» (Красноярск), альманахах «Иркутское время» (Иркутск), «Тула», антологии военной поэзии «Ты припомни, Россия, как всё это было» и других изданиях.